

А. С. Косинская

**ЧЕТЫРЕ ВИДА ЛЮБВИ В РОМАНЕ К. С. ЛЬЮИСА
«ПОКА МЫ ЛИЦ НЕ ОБРЕЛИ»**

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 27.07.2024 г.

Принята к публикации 13.01.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-2-6

65

Для цитирования: Косинская А. С. Четыре вида любви в романе К. С. Льюиса «Пока мы лиц не обрели» // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2025. №2. С. 65–77. doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-2-6.

Рассматривается художественное воплощение четырех видов любви, которые К. С. Льюис подробно описал в трактате «The Four Loves» («Любовь») и в мифологическом романе «Till we have faces» («Пока мы лиц не обрели»). Учитывая центральное место темы любви в романе, логично предположить, что в произведении, написанном в 1956 г., автор в художественной форме осмыслил те эτικο-психологические понятия, о которых позже будет рассуждать в трактате, изданном на основе радиобесед, проведенных Льюисом на американском радио в 1958 г. Книга «Любовь» была издана два года спустя, в 1960 г. При этом осмысление любви как сложного и многогранного явления происходит уже в художественной философии исследуемого романа. В настоящей статье прослеживаются основные особенности художественного воплощения понятий дружбы, милосердия, эротической и родственной любви в романе «Пока мы лиц не обрели». Все четыре формы любви рассматриваются на уровне сюжета, построения художественных образов главных героинь (Психеи и Оруали) и философской составляющей мифологического романа в контексте древнегреческого мифа об Амуре и Психее, который лег в основу произведения.

Ключевые слова: К. С. Льюис, четыре вида любви, мифологический роман, Амур и Психея, сюжет

**1. Античный миф о душе и любви
как сюжетная основа романа «Пока мы лиц не обрели»**

К. С. Льюис с юности увлекался мифологией. Еще в студенчестве он по меньшей мере трижды предпринимал попытки стихотворного изложения любимого им древнегреческого мифа об Амуре и Психее, в том числе в форме пьесы (неоконченной) [5, с. 315]. С одной стороны, повышенный интерес к мифу характерен для литературы эпохи модерна (ср. творчество Дж. Джойса, Х.Э. Носсака, Дж. Р.Р. Толкина и др.), с другой стороны, Льюису долго не удавалось написать мифоло-

гический роман, поэму или пьесу в рамках модернистской эстетики. Только через 30 лет переживший две мировые войны и принявший христианство автор вновь обращается к тому же мифу, вкладывая в него новое философское понимание феномена любви.

В сюжетном плане роман «Пока мы лиц не обрели» представляет собой вольный пересказ мифа об Амуре и Психее от лица старшей сестры героини. Если главная героиня мифа — похищаемая Амуром Психея, то в произведении Льюиса главной героиней становится Оруаль, сестра, движимая (в отличие от мифа) не завистью, а глубочайшей любовью к Психее. Роман состоит из двух частей и написан в форме воспоминаний Оруали, раскрывающих наиболее сокровенные переживания героини. Как отметила Т. В. Жаданова, «уникальность льюисовской рецепции античного мифа состоит в углубленном психологическом переосмыслении древнего сказания через призму христианских ценностей» [2, с. 75]. По мнению исследователя, писателю «удалось создать новый художественный вариант известного античного сюжета» [Там же], самая ранняя версия которого была записана во II в. Луцием Апулеем Платоником в романе «Метаморфозы», известном также как «Золотой осел». Миф имеет следующую сюжетную конструкцию [4, с. 37]: принцессу выдают замуж за божество, супруги счастливо живут на горе, героиню посещают старшие сестры, по совету которых она нарушает запрет видеть своего супруга. После того как Психея увидела Амура, он исчезает, и она вынуждена скитаться в его поисках. Во время скитаний героиня выполняет сложные задания Венеры и в финале счастливо воссоединяется с мужем.

О причинах обращения Льюиса к античному мифу рассуждает в своем диссертационном исследовании С. В. Максимова. Она приходит к выводу о том, что миф в понимании автора — это «способ выразить невыразимое» [7, с. 6]. В данном случае речь идет о взаимоотношениях человеческой души и Бога. Такое толкование мифа можно считать традиционным в европейской литературе. Возникшее в неоплатонизме, оно получило широкое распространение в средневековой религиозной культуре. Как отметила Ю. Г. Котариди, «неоплатоническая версия сюжета представлена в литературе у Фульгенция, Боккаччо, Гейне, Кольриджа, Жулавского и др.» [4, с. 36]. Среди писателей XX в., трактовавших античный сюжет в христианской традиции, исследователь называет К. С. Льюиса и выделяет такие особенности романа «Пока мы лиц не обрели», как использование «типичного модернистского приема масковой образности» и рецепцию «традиций средневековой аллегорической образности» [Там же, с. 49]. «Его повествование — “роман с ключом”, в котором зашифрованы многие символы христианской новозаветной культуры (дом на горе, свиток — атрибут бога и т. п.)» [Там же, с. 49].

Сочетание античного мифа с христианскими символами и христианской идеи с личной философией автора не раз становилось предме-

том филологических исследований. По мысли А. М. Власова, через античный миф Льюис «решает проблему взаимоотношения мира и человека, роли человека в жизни и истории» [1, с. 3]. Исследователь указывает на принципиально новое осмысление мифа в романе «Пока мы лиц не обрели». «В отличие от греческого мифа об Амуре и Психее, где нам неизвестна участь сестер, автор дает своей героине возможность новой жизни» [Там же, с. 3].

Особенности создания образа античного бога любви в романе Льюиса исследовала С. В. Шешунова. Она справедливо отмечает, что «черпавший свое вдохновение в евангельской вести и стремившийся поделиться ею с читателем, Льюис ни в одном произведении не изобразил персонажей античной мифологии в качестве “ложных богов”» [12, с. 316]. Более того, «античные боги предстают у Льюиса очищенными от всего грубо-телесного и жестокого, связанного с ними в древних мифах» [Там же]. В романе «Пока мы лиц не обрели» Психея описывает характер бога западного ветра (Westwind) как «веселый» и в то же время «дикий»: «The wind got wilder and wilder» [16, p. 53]; «Westwind is a merry, rough god» [Ibid.] (при переводе описания характера бога западного ветра упущены). При этом красота бога любви показана через сопоставление с человеком, большим проказой: «Рядом с богами мы — как прокаженные» [5, с. 118]. По мнению С. В. Шешуновой, «образ Амуре у Льюиса сближается с библейским Богом», а «брак Психеи становится образом соединения человеческой души с истинным, библейским Богом» [12, с. 320].

М. Хили в исследовании «Утрата и молчание. Аспекты модернизма в творчестве К. С. Льюиса, Дж. Р. Р. Толкина и Ч. Уильямса» отмечает, что обращающийся к традиционному мифологическому тексту Льюис «утверждает свой собственный текст как часть классической традиции и в то же время ставит перед этой классической традицией свой вопрос» [15, p. 188]. Предполагается, что именно этим вопросом задается имплицитный читатель Льюиса. В рассматриваемом романе это вопрос о возможности любви к богу (и спасения) старшей сестры из мифа об Амуре и Психее. Более того, по мысли Г. С. Кутсоны, в романе утверждается мысль о том, что любовь к Богу «не может быть умеренно важной в жизни человека: она совсем не важна, если ее нет, и становится центром жизни, когда появляется» [14, p. 15]. Как отмечает Т. А. Шарыпина, «каждый литературный памятник, основывающийся на известном из мифологии сюжете, воплощает в своем содержании свой, неповторимый миф» [10, с. 14]. О. Барфилд, друг и коллега Льюиса, вспоминал рассказ писателя «о личном мифе, который всю жизнь преследовал его. Это миф о герое, которого убивает внеприродное чудовище, порожденное им самим. Потом герой воскресает в чистоте для судьбоносной Встречи» [13, p. 5]. Барфилд считал, что роман «Пока мы лиц не обрели» стал вершиной мифопоэтического творчества писателя еще и потому, что Льюису «удалось сочетать любимый им классический миф об Амуре и Психее с личным мифом, который всегда преследовал его» [Ibid.].

2. Основная тема романа К. С. Льюиса «Пока мы лиц не обрели»

И. В. Кормильцев, известный поэт и переводчик романа «Пока мы лиц не обрели» на русский язык, утверждает, что произведение К. С. Льюиса – это прежде всего текст о любви. «В “Пока мы лиц не обрели” речь идет об искуплении Любовью. И об искуплении Любви. <...> Быть может, чтобы эта книга обрела свое лицо, [Льюису] нужно было самому столкнуться лицом к лицу с любовью» [5, с. 3–5]. Действительно, роман был написан вскоре после свадьбы с Джой Дэвидмен, во время ремиссии тяжело больной жены, в то недолгое время, когда Льюис был особенно счастлив в браке. Жене писателя и посвящен роман. Эпиграфом к роману послужила афористичная по сути первая строка 151-го сонета У. Шекспира: «Love is too young to know what conscience is» [16, p. 3] («Любовь слишком молода, чтобы знать, что такое совесть»). Для англоязычного читателя из окружения Льюиса продолжение мысли Шекспира очевидно из второй строки, не процитированной Льюисом: «Yet who knows not conscience is born of love?» [11, p. 308] («И все же кто не знает, что совесть рождается от любви?»). Если первая строка сонета, как мы уже отмечали, предельно кратко выражает основную идею первой части романа (обвиняющей богов, в особенности бога Седой Горы), то вторая строка может стать ключом к интерпретации второй, апологетической части [3, с. 146].

Любовь главной героини к сестре изначально действительно не знает совести как единого с богами знания (*con-science*, этимологически «совместное знание», подобно русск. *co-весть*). Этот языковой факт, безусловно, был хорошо известен Льюису как филологу-медиевисту, преподававшему в Кембридже средневековую литературу. Любовь Оруали к Психее – чувство глубоко личное и не учитывающее ничьи интересы, даже интересы Психеи. Чудо преображения, происходящее во второй части романа, показывает, как из несовершенной любви рождается совесть, возвышающая изначально деструктивное чувство до совершенной любви. Более того, сюжет и художественная философия романа «Пока мы лиц не обрели» воплощают не только идею преображения доминирующей в жизни Оруали сестринской любви, но и другие виды любви: любовь к родной земле, дружбу, эротическую любовь и любовь к Богу. Подробной характеристике всех этих видов любви Льюис посвятил трактат «Любовь».

3. Философия любви в трактате К. С. Льюиса «The Four Loves»

Следуя греческой традиции [8, с. 190], Льюис выделяет четыре вида любви: 1) *στοργή* (сторге) – любовь как привязанность, свойственная родственникам или друзьям детства, всякого рода долгие добрососед-

ские отношения; 2) φίλια (филия) – дружба, основанная на общих интересах, увлечениях; 3) ἔρως (эрос) – романтическая любовь; 4) ἀγάπη (агапэ) – милосердие, любовь как христианская добродетель [6]. Вероятно, Льюис выбирает из всего многообразия словесного обозначения разных видов любви в греческом языке именно вышеупомянутые концепты по двум причинам: во-первых, эти виды любви упомянуты в Библии (трактат «Любовь» имеет ярко выраженный этико-богословский характер) и, во-вторых, они представляются автору наиболее актуальными в современном ему мире.

Небезынтересно упомянуть те греческие обозначения разных видов любви, которые не вошли в книгу Льюиса как отдельно взятые разновидности любви, но все же вскользь упомянуты им как явления, близкие к рассматриваемым. Например, греч. ἐρωτοτροπία (ухаживание, любовь-игра, соответствующее лат. lūdus) рассматривает любовь как увлечение, интригу и своеобразную игру. В главе «Ἐρως (érōs)» трактата Льюиса ἐρωτοτροπία (любовь-игра) упоминается как один из аспектов влюбленности. «Страсть – насмешливое, лукавое божество, она ближе к эльфам, чем к богам. Она любит пошутить над нами» [Там же, с. 385]. А такую своеобразную форму любви, как мания, автор описывает как разновидность патологической влюбленности, ἔρως (эроса). По мысли Льюиса, всецело овладевая волей и умом человека, романтическая любовь способна принимать форму мании при условии, что влюбленные не признают авторитетов выше «священной любви». Такое чувство, как замечает автор, обычно быстротечно, а восприятие «смерти любви» или ее «падения» может быть весьма трагичным. При этом писатель воспринимает конец чрезмерно акцентированной романтической влюбленности как благо, потому что в его христианской системе ценностей влюбленность имеет положительную ценность только в том случае, если она подчинена высшим устремлениям человека (таким как совесть, милосердие, дружба и т. д.). «Как и все виды естественной любви, влюбленность своими силами устоять не может» [Там же, с. 397]. По мысли Льюиса, романтическая любовь, поставленная во главе иерархии человеческих ценностей, становится манией. «Она так сокрушительна, сладостна, страшна и возвышенна, что падение ее поистине ужасно. Хорошо, если она разобьется и умрет. Но она может выжить и безжалостно связать двух мучителей, которые будут брать, не давая, ревновать, подозревать, досадовать, бороться за власть и свободу, услаждаться скандалами. Прочитайте “Анну Каренину” и не думайте, что “такое” бывает только у русских» [Там же]. Таким образом, выделенные Льюисом четыре вида любви рассматриваются в трактате с точки зрения традиционных христианских ценностей, таких как вера, надежда на Спасение, благородство и альтруизм.

Последовательность глав в книге «Любовь» можно сопоставить с периодами возрастания личности: сначала речь идет о любви к тому, что ниже человека (дом, родные места, природа, родина), затем Льюис переходит к привязанности. Здесь уже речь идет о родственных связях

и любви, испытанной временем. Потом автор рассуждает о дружбе как о любви, которая в общем-то «не нужна для жизни», но «она — из тех вещей, без которых не нужна жизнь» [6, с. 368]. После главы о дружбе следуют размышления о романтической любви, и завершается книга главой, посвященной милосердию. В ней говорится о Божественной Любви и любви человека к Богу, а также о сознательно милосердном отношении к окружающим людям, обусловленном христианским мировосприятием. Представляется, что именно в такой последовательности разные виды любви могут встречаться в жизненном опыте человека: от любви к дорогим сердцу вещам (игрушкам, дому, природе) до любви к семье, от дружбы до влюбленности и от романтической любви до универсальной любви к Богу. При этом каждый из видов любви представлен как не вполне однозначное благо. С одной стороны, Льюис считает, что даже самая несовершенная любовь с точки зрения христианской этики, интересы которой он отстаивает, лучше черствости, бесчувствия или сознательного отказа от любви. С другой стороны, каждый из рассмотренных автором четырех видов любви может приобрести патологическую форму, причем чем выше духовный потенциал чувства, тем ужаснее, с точки зрения Льюиса, его искажения.

В рамках феноменологического подхода в литературоведении представляется целесообразным изучать формы отражения охарактеризованных в трактате Льюиса видов любви в конкретных произведениях автора. Такое исследование, на наш взгляд, способствует более объективному изучению художественной философии писателя. В американском льюисоведении примерами таких работ могут служить статьи Паулетты Саудерс [17; 18], анализирующей идеи любви в художественных произведениях автора в сопоставлении с философской мыслью, отраженной в трактате «Любовь». В нашем исследовании, пользуясь методом Саудерс, мы проследим развитие и трансформации основных форм любви в романе «Пока мы лиц не обрели» в контексте того же трактата.

4. Στορυή (сторге) как разновидность любви в романе «Пока мы лиц не обрели»

Преобладающим видом любви в жизни главной героини романа «Пока мы лиц не обрели» можно считать необычайную по глубине и силе чувства сестринскую любовь Оруали к Психее. «Один взгляд на Психею заменял мне ночной сон и придавал сил» [5, с. 30]. Любовь старшей сестры чрезмерно сильна и выходит за пределы обычной сестринской любви: «Я жалела, что я не жена Царя и не мать Психеи, жалела, что я не мальчик и не могу влюбиться в нее, жалела, что я довожусь ей только единокровной сестрой, жалела, что она не моя рабыня, потому что тогда я смогла бы даровать ей свободу и богатство» [Там же, с. 31]. Из этой цитаты видно, что любовь Оруали не только непрестанно стремится выйти за пределы оторυή (родственной любви), но склонна вбирать в себя другие виды любви (ἔρως, ἀγάπη) и в то же время желает об-

ладания и власти над Психеей. Если оторужь обыкновенно «тиха, о ней и говорить неудобно» [6, с. 346], то любовь старшей сестры в романе страстна, сильна и становится для Оруали смыслом жизни. В трактате «Любовь» Льюис отмечает, что все формы любви к человеку (и к тому, что ниже его) превращаются в патологическую любовь (манию), как только человек начинает ставить это чувство во главу своей иерархии ценностей. «Естественная любовь, став богом, не остается любовью. Ее называют так, но на самом деле — это усложненная *ненависть*» [Там же, с. 328] (курсив мой. — А. К.).

Именно по такому сценарию развивается чувство главной героини «Пока мы лиц не обрели»: от нежной покровительственной и заботливой любви до властного и требовательного чувства, причиняющего Психее сильнейшую душевную боль и страдания. Сначала старшая сестра забирает в свою спальню колыбель с новорожденной Истрой — Психеей, полностью берет на себя заботу о младшей сестре (вплоть до выбора кормилицы), потом тщательнейшим образом принимает участие в образовании девочки, которое по большей части состоит из их общих бесед с пленным греком Лисиасом (Лисом). Отметим, что первое слово, произнесенное Психеей, — это *Майя*, перевод имени *Оруаль* на греческий язык. Имя Майя переводится с греческого как матушка-кормилица, что вполне соответствует роли старшей сестры в жизни Истры, имя которой, в свою очередь, в переводе на греческий звучит как Психея, то есть душа. Как справедливо отметила Н. А. Чернявская, именем Майя главную героиню называет только Психея, что еще раз указывает на роль Оруали в жизни сестры [9, с. 77]. Таким образом, отношения Психеи и Оруали — это не только отношения двух сестер, но и своеобразная проекция детско-родительских отношений. «Мать ее умерла, и у нее нет другой матери, кроме меня», — признается Лису будущая царица Глома [5, с. 153].

Особое место в отношении Оруали к сестре занимает ревность и желание безраздельной власти над сестрой. Как только главная героиня узнает о мистической тоске Психеи по богу Горы, она прикладывает все усилия, чтобы этому чувству помешать. Наиболее отчаянно Оруаль вмешивается в счастье сестры, когда встречает ее в горах после жертвоприношения. «Только теперь я поняла, до какой степени можно возненавидеть того, кого некогда любил» [Там же, с. 134]. Не веря в существование чертога невидимого Бога, Оруаль настаивает на возвращении Психеи в Глом и в случае отказа готова убить сестру. Узнав об этом, Лис говорит ей: «Доченька, ты потеряла рассудок и погрешила против природы вещей. В сердце твоём на одну часть любви приходится пять частей гнева и семь частей гордыни» [Там же, с. 154]. Таков взгляд на это чувство со стороны мудрого грека. Автор описывает любовь Оруали непосредственно с точки зрения героини, извне (с точки зрения ее учителя) и, наконец, с точки зрения Психеи. Когда Оруаль наносит себе рану и принуждает Психею поклясться на клинке, влажном от ее крови, в том, что она нарушит запрет бога Седой Горы (которого считает

своим мужем), Психея замечает: «Я и вправду не со всякой любовью знакома. По мне, такая, как твоя, ничем не лучше ненависти. Я словно в темную яму заглянула» [5, с. 169–170]. Взгляд на чувство главной героини с трех точек зрения добавляет достоверности авторской интерпретации феномена родственной любви (оторυή).

Страдающая от бескомпромиссной жестокости сестры Психея упрекает Оруаль в том, что она злоупотребляет ее любовью: «Ах, Оруаль, ты взяла мою любовь к тебе, глубокую, из самого сердца, не меркнущую от того, что я люблю и другого, — эту любовь ты взяла в заложицы, чтобы обратить ее против меня. Ты превратила ее в орудие пытки» [Там же, с. 170]. В этой главе сначала Психея, а потом и Оруаль осознают, что земная родственная привязанность между ними умирает: «В любом случае, между нами произошло что-то непоправимое. Что-то умерло навсегда» [Там же]. На смену оторυή в художественном мире мифологического романа приходит любовь высшего порядка. Оруаль, как положено героине мифа об Амуре и Психее, требует, чтобы сестра нарушила запрет бога Седой Горы и увидела его лицо. Психея осознает трагические последствия этого проступка, но при этом она видит в нем высший смысл: «Я собираюсь предать моего возлюбленного, лучшего из всех. Возможно, не успеет и солнце взойти, как счастье мое разлетится вдребезги. Вот она, цена твоей жизни, и я заплачу ее» [Там же, с. 171]. Таким образом, в романе Льюиса, в отличие от классического мифа, Психея нарушает запрет ради спасения жизни сестры, поскольку Оруаль угрожает убить себя в случае отказа. С этого момента любовь Психеи к Оруали трансформируется из естественной родственной любви оторυή в сверхъестественную любовь ἀγάπη (милосердие), которая обычно проявляется как высшая степень добродетели в отношении тех, кого воспринимают как недостойных естественной любви, или в случаях, когда в силу каких-либо обстоятельств естественная любовь становится невозможной.

Мы рассмотрели воплощение оторυή в художественном мире романа «Пока мы лиц не обрели» на примере двух главных героинь, Психеи и Оруали. Здесь следует упомянуть и о третьей, старшей сестре Редивали, трагически переживающей одиночество и считающей, что она потеряла любовь Оруали после рождения Психеи. Подробный анализ воплощения концепта need-love как разновидности оторυή представлен в статье П. Саудерс [17, р. 2–3].

5. Ερως и φιλία как формы любви в романе «Пока мы лиц не обрели»

В романе «Пока мы лиц не обрели» главная его героиня Оруаль всю сознательную жизнь испытывает в отношении воина Бардии глубокое чувство уважения, доверия и дружбы. В художественном мире Льюиса, как и в его трактате, дружба понимается как «единственный вид любви, уподобляющий нас ангелам» [6, с. 362].

Дружба Оруали и Бардии является, по сути, художественной моделью вида любви, описанного в трактате «Любовь». «Дружба соединяет людей на высшем уровне их личностного развития» [6, с. 362], — замечает Льюис в трактате, в то время как в романе мы видим, как Бардия становится соратником Царицы во время войн, попутчиком в опасных приключениях и, наконец, главным советником при решении политических вопросов. В том же трактате Льюис отмечает, что, когда дружба возникает между мужчиной и женщиной, к ней очень скоро присоединяется и ἔρως [Там же, с. 366]. По такому сценарию и развивается чувство Оруали к Бардии, причем узнает об этом только Ансит, супруга Бардии, и только тогда, когда она овдовевает, а Царица придет, чтобы попытаться утешить ее. «Как ни странно, ненависть наша иссякла в тот самый день, когда Ансит узнала, что я всю жизнь любила ее мужа» [5, с. 262]. Таким образом, в романе «Пока мы лиц не обрели» изображен синтез дружбы и эротической любви главной героини.

Для Бардии дружба (и боевое товарищество) с Оруалью никогда не перейдут за свои границы. Более того, как отмечает П. Саудерс, «Бардия любит Королеву истинной любовью друга (φιλία), а свою жену — Ансит — истинной любовью мужа (ἔρως). Бардия и его жена не очень часто изображаются в романе вместе, но свидетельства любви и верности Бардии присутствуют» [17, р. 7]. Показателен эпизод, в котором Королева желает, чтобы Бардия подольше задержался во дворце, но он умоляет, чтобы его отпустили, потому что хочет быть со своей женой, когда у них родится ребенок. Кроме того, как отмечает П. Саудерс, «Оруали нередко приходится слышать от слуг о счастливом браке Бардии и Ансит» [Там же, р. 8]. Мудрый наставник Оруали Лис дает Бардии следующую характеристику: «Кто не знает, что Бардия у жены под каблуком», и, несмотря на то, что он один из лучших воинов королевства, грек отмечает, что «он влюблен, как Алкивиад» [5, с. 152]. «Парень женился на бесприданнице, взял за одну красоту, можно сказать. Весь город об этом знает. Она помыкает им как хочет» [Там же]. Таким образом, Бардия куртуазно влюблен в Ансит. По мнению П. Саудерс, «Бардия является истинным олицетворением Эроса в его лучшей форме и Дружбы в ее наилучшей форме» [17, р. 8].

В сюжетной линии Психеи и бога Седой Горы эротическая любовь девушки изображена как одна из граней духовной любви (ἀγάπη). Это напрямую связанное с верой: возвышающее героиню чувство дано, с одной стороны, в награду за праведность, с другой — как воплощение мечты и жизненного предназначения. В мировоззрении Психеи оно напрямую связано с обретением Небесной родины. «Я ухожу на Седую Гору. Как долго мы смотрели на нее, даже не мечтая взойти на ее вершину! Помнишь все наши разговоры о чертогах из золота и янтаря под самыми небесами, которые построит для меня величайший из царей!» [5, с. 82]. Амура Психея называет «богом», «богом Западного Ветра», «Западным Ветром во плоти», «женихом», «возлюбленным», «мужем» и «величайшим из царей». В целом эротическая любовь в чистом виде не

становится предметом изображения в мифологическом романе, но всякий раз речь идет о синтезе любви и дружбы, семейно-эротического чувства или возвышенно-религиозного благоговения, таинственным образом воплотившегося в брачной любви.

6. Ἀγάπη (агапэ) как всеобъемлющая любовь в романе «Пока мы лиц не обрели»

74

Любовь как главная христианская добродетель (ἀγάπη) в первой части романа «Пока мы лиц не обрели» проявляется лишь со стороны Психеи (Истры) к народу Глома, Оруали и к богу Горы. Необъяснимая тоска девушки по мистической Горе и обитающему там божеству становится в художественном мире романа первым проявлением любви к Богу как высшего человеческого призвания. «С тех пор как ты носила меня на руках, Майя, самым горячим моим желанием было попасть на Седую Гору, узнать, откуда исходит эта неземная красота... именно там моя родина, и там я хотела бы родиться вновь. <...> Всю жизнь бог Горы звал меня к себе, и вот — я иду к моему возлюбленному» [5, с. 82–83].

Любовь-милосердие в отношении народа Истра проявляет, когда, рискуя собственной жизнью, отправляется исцелять народ во время эпидемии. Ради Оруали Психея жертвует своим счастьем, которое заключалось в браке с возлюбленным божеством и блаженной жизни во дворце из золота и янтаря.

Во второй части романа все виды любви — *στοργή*, *φιλία* и *ἔρως* — преобразуются в осознанную и духовную ἀγάπη. Страдающая и не понимающая смысла своих страданий Оруаль обвиняет богов в том, что они лишили ее любви Психеи. Вся первая книга пишется как предельно откровенный дневник главной героини, цель которого — обвинение богов в страданиях человека. При этом обвиняющая личность убеждена, что ей уже нечего терять. Вторая книга представляет читателю другой взгляд на события, изображенные в первой книге. Повествование по-прежнему ведется от лица главной героини, но благодаря построению вертикального хронотопа (в форме видений и снов Оруали, ее путешествия в загробный мир) события предстают в ином свете. С изменением мировосприятия преобразуется и внутренний мир героини, и, соответственно, ее любовь к Психее и отношение к богам. На обвинительную речь Оруали боги отвечают, показывая ей и Лису ряд событий из жизни Психеи с точки зрения вечности. Героиня обсуждает увиденное с учителем:

- Неужели мы таковы, какими увидели себя? — спросила я.
- Да. Все здесь правда.
- Но мы же говорили, что любим ее.

— Это так. У нее не было врагов опаснее нас. И чем ближе день, когда боги станут прекрасными или, вернее, явят нам свою изначальную красоту, тем больше будет ревность смертных к тем, кто стремится слиться душой с Божественной Природой. Мать и жена, сын и друг станут стеной на пути у них [5, с. 299–300].

В разъяснении Лиса прочитывается аллюзия на 10-ю главу Евангелия от Матфея: «Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги человеку — домашние его» (Мф. 10: 35—36). Очевидно, Льюис как апологет христианства предлагает толкование этого непростого места Евангелия. Этим объясняется и уподобление в речи Психеи властной любви старшей сестры *ненависти*. Как мы видели, Оруаль изображается как *враг* Психеи во время последнего посещения Седой Горы, где, по меткому замечанию младшей сестры, родственная любовь (оторүі) умирает и благодаря жертве Психеи перерождается в милосердие (ауащ).

В первой книге Психея говорит, что пожертвовала своим счастьем ради жизни Оруали, в то время как в видении, описанном в конце второй книги, она отдает сестре ларец с «красотой для Унгит», и когда Оруаль принимает дар сестры, то слышит суд бога: «Теперь ты тоже Психея» [5, с. 303]. Таким образом, в свете второй книги слова младшей сестры о спасении жизни Оруали относятся к вечной жизни царицы Глома. Здесь же Психея говорит о преображенной любви сестер: «Разве я не говорила тебе, Майя, что настанет день, когда мы встретимся в моем дворце, и тогда уже ни одно облачко не пробежит между нами?» [Там же, с. 302].

Со стороны Оруали отношение к Психее также претерпевает изменения: если героиня первой книги, подобно Пигмалиону, заявляет: «Ведь она была все же моим творением» [Там же, с. 170], то во второй книге Оруаль отказывается от какой-либо власти над сестрой: «О Психея, богиня, никогда более не назову я тебя своей, но все, что считала моим, отдаю тебе. Увы, теперь тебе все ведомо. Я никогда не желала тебе истинного добра, никогда не думала о тебе так, чтобы не думать в первую очередь о себе. Я была алчущей бездной» [Там же, с. 301]. Таким образом, путем переосмысления своей любви к Психее Оруаль обретает новое чувство родственной любви (оторүі), преображенной любовью жертвенной (ауащ). Благодаря зародившемуся в ней новому желанию Оруали открывается причина ее многолетних страданий: «Психея подвергалась ужасной опасности, но при этом была чуть ли не счастлива, потому что другая взяла на себя все ее страдания и муки» [Там же, с. 296]. После этого открытия ненависть главной героини к богам также преображается в ауащ, и последние строки романа посвящены Богу (имя которого впервые пишется с заглавной буквы). «Теперь я знаю, Господи, почему Ты не отвечаешь нам. Потому что Ты сам — ответ. Пред твоим лицом умирают все вопросы. <...> Как долго я ненавидела тебя, как долго боялась! Я могла бы...» [Там же, с. 303].

В свете основной идеи романа К. С. Льюиса «Пока мы лиц не обрели» именно ауащ как вид любви, к которому стремится всякая естественная любовь, и экзистенциальный поиск смысла жизни наряду с повышенным психологизмом и сменой главной героини отличают роман от классического мифа.

Список литературы

1. Власов А.М. Мифы в романе «Пока мы лиц не обрели» // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. №12-1. С. 242–244.
2. Жаданова Т.В. Особенности рецепции античного мифа в романе К.С. Льюиса «Пока мы лиц не обрели» // Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций. 2011. №3.
3. Косинская А.С. Художественная антропология К.С. Льюиса («Космическая трилогия», «Пока мы лиц не обрели», «Расторжение Брака»): дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2021.
4. Котариди Ю.Г. Философские версии «вечного» сюжета об Амуре и Психее: от неоплатонизма к христианству // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18, №1. С. 36–55.
5. Льюис К.С. Пока мы лиц не обрели / пер. с англ. И. Кормильцева. М., 2010.
6. Льюис К.С. Любовь // Льюис К.С. Христианство / пер. с англ. И. Череватой, Н. Трауберг. М., 2018.
7. Максимова С.В. Античный миф в прозе К.С. Льюиса и Г.Э. Носсака 40–50-х гг. : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2008.
8. Николи А. Фрейд и Льюис. Дебаты о Боге / пер. с англ. М. Завалова. М., 2019.
9. Чернявская Н.А. Функции имен героев в романе К.С. Льюиса «Пока мы лиц не обрели» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер.: Филология. 2003. №1. С. 75–78.
10. Шарыпина Т.А. Проблемы мифологизации в зарубежной литературе XIX–XX веков. Н. Новгород, 1995.
11. Шекспир У. Сонеты. Shakespeare's Sonnets. Ростов н/Д, 2001.
12. Шешунова С.В. Образы античных богов в творчестве К.С. Льюиса // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. №6 (2). С. 316–320.
13. Barfield O. On C.S. Lewis. Oxford, 2011.
14. Cootsona G.S. C.S. Lewis and the Crisis of a Christian. Westminster John Knox Press, 2014.
15. Hiley M. The Loss and the Silence. Aspects of Modernism in the Works of C.S. Lewis, J.R.R. Tolkien and Ch. Williams. Zurich ; Jena, 2011.
16. Lewis C. S. Till we have Faces. A Myth Retold. Delphine Lettau, Stephen, 2016.
17. Sauders P. Through the Lens of *The Four Loves*: The Idea of Love in *Till We Have Faces* // *Inklings Forever: Published Colloquium Proceedings 1997–2016*. 2012. Vol. 8. URL: https://pillars.taylor.edu/inklings_forever/vol8/iss1/24 (дата обращения: 20.07.2024).
18. Sauders P. Through the Lens of *The Four Loves*: The Idea of Love in *The Screwtape Letters* // *Inklings Forever: Published Colloquium Proceedings 1997–2016*. 2014. Vol. 9. URL: https://pillars.taylor.edu/inklings_forever/vol9/iss1/15 (дата обращения: 20.07.2024).

Об авторе

Александра Сергеевна Косинская — канд. филол. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канга, Россия.

E-mail: aleksandra-hromo@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5893-8622>

SPIN-код: 8410-0619

A. S. Kosinskaya

THE FOUR LOVES IN C. S. LEWIS'S NOVEL "TILL WE HAVE FACES"

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 27 July 2024

Accepted 13 January 2025

doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-2-6

To cite this article: Kosinskaya A.S. 2025, The four loves in C.S. Lewis's novel "Till we have faces". *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, №2. P. 65 – 77. doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-2-6.

77

*The article explores the artistic embodiment of the four types of love that C. S. Lewis discusses in detail in his treatise *The Four Loves* and in his mythological novel "Till We Have Faces". Given the centrality of the theme of love in the novel, it is reasonable to assume that in this 1956 work, the author was already artistically reflecting on the ethical and psychological concepts he would later elaborate in the treatise, which was based on a series of radio talks broadcast by Lewis on American radio in 1958. The book "The Four Loves" was published two years later, in 1960. At the same time, the conceptualization of love as a complex and multifaceted phenomenon is already present in the artistic philosophy of the novel under study. This article traces the main features of the literary representation of the notions of friendship, charity, erotic love, and familial love in "Till We Have Faces". All four forms of love are analyzed at the levels of plot development, the construction of the main female characters (Psyche and Orual), and the philosophical dimension of the mythological novel in the context of the ancient Greek myth of Cupid and Psyche, which serves as the narrative foundation of the work.*

Keywords: C.S. Lewis, the four loves, mythological novel, Cupid and Psyche, plot

The author

Dr Alexandra S. Kosinskaya, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: aleksandra-hromo@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5893-8622>

SPIN code: 8410-0619